

V  
**ФИЛОСОФИЯ ПРАВА**  
\*  
**PHILOSOPHY OF LAW**

**Л.Р. Сюкияйнен**  
(*Высшая школа экономики*)

**ИСЛАМ**  
**И МУСУЛЬМАНСКИЕ МЕНЬШИНСТВА В ЕВРОПЕ:**  
**ПРОТИВОСТОЯНИЕ ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР**

**О понимании правовой культуры**  
**и религиозных правовых систем**

Соотношение права, религии и культурных традиций интересует юридическую науку в связи с анализом главным образом трех проблем. Прежде всего теория государства и права исследует особенности, отличающие юридические правила поведения от иных социальных норм. Кроме того, юриспруденция затрагивает данную проблему в связи с разработкой понятия правовой культуры. Наконец, сравнительное правоведение обращается к указанному соотношению при характеристике так называемых религиозных правовых систем, к которым принято относить и исламское право.

Следует отметить, что в своих выводах по этому кругу вопросов отечественное правоведение не учитывает в полной мере специфику соотношения права и религии в исламе и ее отличия от западной традиции. Прежде всего это касается понятия правовой культуры и религиозной правовой системы.

На наш взгляд, правовая культура личности определяется преимущественно не степенью знания действующего позитивного права (законодательства), как до сих пор полагают многие юристы<sup>1</sup>, а тем местом, которое занимает право в системе социально-нормативного регулирования того или

---

<sup>1</sup> См., например: Теория государства и права. Курс лекций. Саратов, 1995. С. 484–486.

инного общества, в иерархии ценностей и приоритетов, направляющих поведение человека. Именно на этом уровне ключевым становится вопрос о соотношении правовых и неправовых (прежде всего религиозных и, в широком смысле, нравственных) норм. В этом смысле точнее говорить не о правовой, а о социально-нормативной культуре.

Представляется, что правовые системы различаются как по внутренним, формально-структурным признакам (не случайно одним из важнейших критериев считается характер юридических источников и наличие специфических правовых институтов), так и по внешним параметрам — соотношению права с иными социальными регуляторами, его месту в общей системе ценностей и ориентиров, которыми руководствуются люди в своем поведении. Здесь и обнаруживается связь права с религией и нравственностью. Такая связь в решающей мере предопределяет специфику правосознания, или, как говорят компаративисты, «стиля правового мышления». Причем это касается не только профессионального сознания юристов, но и массовых представлений о праве, а значит — о справедливости.

По указанному признаку все указанные социально-нормативные культуры в целом делятся на две группы. В одной из них право является лидирующим и определяющим границы действия других регуляторов, а в другой — наоборот, юридические нормы поставлены в зависимость от иных, более значимых по сравнению с ними, ориентиров<sup>2</sup>.

Данный критерий лежит в основе серьезных различий между европейской в широком смысле и исламской культурой. Ведь европейское (и западное в целом) общество характеризуется очевидным превалированием правовых ценностей, которое нередко доводится до своего логического предела в условиях господства принципов секуляризма и светского государства. В результате право оказывается формально полностью отделенным от религии и в значительной степени даже от нравственных ценностей. Оно измеряется собственными внутренними параметрами и в своей легитимности не может быть оспорено с позиции не только веры, но и морали.

Во всяком случае, здесь правовые нормы и принципы, получившие официальное признание и закрепление, по большей части теряют силу или подвергаются пересмотру лишь в случае своей юридической некорректности, но никак не по причине их противоречия нравственным или религиозным постулатам. Наоборот, такие неюридические требования, отражающие мнение отдельных, пусть и влиятельных, сегментов общества, уступают перед универсальным регулятором, которым является право. Именно оно считается олицетворением справедливости и разделяемых всем социумом ценностей.

---

<sup>2</sup> См.: Четвернин В.А. Исторический прогресс права и типы цивилизаций // Ежегодник либертарно-юридической теории. Вып. 2. 2009.

Для того чтобы получить всеобщее признание со стороны современного западного общества, религиозные или нравственные ценности обязательно должны облекаться в правовую форму и получить юридическое обоснование, которое, в свою очередь, опирается на чисто правовую аргументацию. В итоге нередко конфликты между правом, с одной стороны, и религией вместе с моралью — с другой. Причем в таком противостоянии верх берет право. Показательным примером такого несовпадения является юридическое признание однополых браков или правовое допущение резко негативных и даже оскорбительных оценок постулатов веры, что категорически отвергается религиозным сознанием.

В мусульманской среде (в собственно исламских странах или в рамках сообщества мусульман за пределами мусульманского мира) веками существовало и до сих пор сохраняется иное соотношение между правом, религией и нравственностью. Конечно, нельзя утверждать, что право здесь вообще не играет серьезной роли. Но реальностью является тот факт, что оно лимитировано религиозными (а значит — нравственными) мерками, поставлено в зависимость от них<sup>3</sup>.

Характерными в этой связи является исламская концепция суверенитета и природы государства. Традиционная исламская правовая мысль исходит из того, что назначение государства заключается в служении шариату, обеспечении реализации его предписаний. С учетом такого подхода носителем суверенитета рассматривается не только община мусульман, но и сам шариат, который устанавливает рамки государственного нормотворчества. Аналогичным образом современная исламская юриспруденция трактует и права человека. Типичным в этом отношении является ст. 24 Исламской декларации прав человека 1990 г., разработанной Организацией «Исламская конференция» (с 2011 г. — Организация исламского сотрудничества). В соответствии с ней все закрепленные в данном документе права и свободы ограничены нормами шариата.

Приведем также пример Основного низама (регламента) Саудовской Аравии 1992 г., являющегося фактической конституцией страны. Ст. 26 этого акта предусматривает, что государство защищает права человека в соответствии с шариатом. Более того, согласно ст. 1 данного документа, истинной конституцией Королевства является Книга Всевышнего Аллаха (т.е. Коран) и сунна Его Посланника, а в ст. 7 говорится, что государственная власть черпает свои полномочия именно из этих источников, которые стоят над указанным низамом и всеми иными принимаемыми государством актами.

В период становления и на начальных этапах развития практически все основные правовые системы современности опирались на теологические

---

<sup>3</sup> См.: Сюкияйнен Л.Р. Права человека в диалоге исламской и западной правовых культур // Ишрак. Ежегодник исламской философии. 2011. № 2.

источники. Но европейское право в своем нынешнем виде уже никак напрямую не связано с религией, а исламское право, наоборот, в целом не может рассматриваться вне религиозного сознания и соответствующей ему нравственности. Данное различие служит подтверждением того факта, что если в Европе в целом достаточно давно произошло отделение религиозного от мирского, то в мусульманском мире до сих пор ислам охватывает, по сути, все стороны жизни общества.

Здесь и в наши дни религиозное и мирское начала сосуществуют в рамках ислама, выступающего, как говорят мусульманские мыслители, одновременно и религией, и государством. Поэтому даже с учетом заметных различий между этими двумя сторонами жизни мусульманского общества они теснейшим образом взаимодействуют. В итоге исламское право, будучи в целом юридическим феноменом, испытывает серьезное влияние религии ислама и соответствующих нравственных стандартов. Условно говоря, над исламским правом как правовой системой стоит шариат, выступающий преимущественно в качестве религиозного феномена.

Нынешний этап мирового развития в условиях глобализации и резкой интенсификации связей между цивилизациями заставляет взглянуть на рассматриваемую проблему по-новому. В частности, практика прямых контактов исламской и европейской культур в результате появления мусульманских меньшинств в Европе и других странах Запада позволяет увидеть новые грани соотношения права, религии, нравственности и традиций. Отмеченные выше отличия между западной и исламской социально-нормативной культурой дают возможность более точно оценить такой опыт их непростого взаимодействия, а также представить пути и средства снижения уровня возникающей при этом напряженности.

### **Правовые, политические и культурные аспекты конфликта**

Превращение мусульманских меньшинств в заметный элемент европейского социального, культурного и даже политического пространства повлекло за собой немало проблем и конфликтов. Учитывая, что в Европе и на Западе в целом все эти противоречия и прямые столкновения получают прежде всего правовое измерение, проблема сводится к противостоянию правовых культур.

Важно отметить, что ключевая роль права в указанных конфликтах объясняется не только характером европейского сознания, но и особенностями мусульманского мировоззрения. Дело в том, что сложности, с которыми сталкиваются мусульманские меньшинства на Западе, относятся к предмету фикха — исламской науки, занимающейся правилами внешнего поведе-

ния людей. Среди них выделяются юридические нормы — исламское право в собственном смысле<sup>4</sup>. Данная черта исламской культуры также способствует тому, что в центре конфликтов, связанных с мусульманскими меньшинствами на Западе, оказывается противостояние принципиально отличающихся друг от друга правовых представлений.

Характерным примером является прямо противоположное восприятие известной фетвы имама Хомейни, вынесенной в начале 1989 г. в отношении писателя Салмана Рушди. Данный документ предусматривает ответственность автора в виде смертной казни за его книгу «Сатанинские стихи», которая с позиций шариата оценивается как отрицание незыблемых исламских постулатов, относящихся к основам веры<sup>5</sup>.

Общественность и официальные структуры европейских стран крайне негативно отнеслись к такому решению как к посягательству на свободу слова и выражения мнения, обвинив ислам в стремлении ограничить права человека. А в мусульманском мире и в среде мусульманских меньшинств на Западе преобладает прямо противоположная позиция, которая опирается на два основных аргумента в пользу упомянутой фетвы. Во-первых, исламское правосознание категорически не приемлет оскорбления религиозных чувств и святых. А во-вторых (и это главное!), для подавляющего большинства мусульман смертная казнь, предусмотренная шариатом за вероотступничество, является императивом. Это обстоятельство невозможно сбрасывать со счетов, поскольку богохульное, по исламским оценкам, произведение написал не кто-нибудь, а именно мусульманин, который поэтому и обвиняется в отходе от ислама.

Иными словами, установленная шариатом религиозная, по сути, норма воспринимается мусульманским сознанием в качестве абсолютно непрекращаемой, не подлежащей пересмотру и стоящей выше любых законодательных предписаний. Кроме того, с этой точки зрения, религиозные чувства, символы и святые должны находиться под защитой закона. Очевидно, такое понимание принципиально расходится с принятыми в Европе юридическими критериями, которые устанавливают исчерпывающий и крайне узкий перечень ограничений свободы выражения мнения по религиозным мотивам<sup>6</sup>.

Указанное несовпадающее понимание свободы выражения мнения подтверждается и другим известным примером — так называемым карикатурным скандалом. Он был вызван публикацией в сентябре 2005 г. одной из

---

<sup>4</sup> О соотношении шариата, фикха и исламского права см.: Сюкияйнен Л.Р. Исламское право: взаимодействие юридического и религиозного начал // Ежегодник либертарно-юридической теории. Вып. 1. М., 2007.

<sup>5</sup> См.: *Mozaffari Mehdi. Fatwa. Violence & Discourtesy. Aarhus, 1998.*

<sup>6</sup> См.: *Пост П. Религия и свобода слова: изображения пророка Мухаммеда // Сравнительное конституционное обозрение. № 3 (56). 2006.*

датских газет карикатур на пророка Мухаммада, которые позднее были воспроизведены СМИ ряда других европейских стран. В ходе разгоревшегося конфликта спорящие стороны апеллировали к совершенно разным аргументам. Европейские журналисты и их единомышленники делали акцент на свободе слова и необходимости решительно противостоять религиозному мракобесию. А мусульмане возмущались оскорблением религиозных чувств. Вновь ярко проявилось расхождение между исламской и европейской правовыми культурами.

При этом обратила на себя внимание характерная деталь: на одной из помещенных на страницах печатных изданий карикатур пророк Мухаммад был изображен в тюрбане в виде бомбы. Авторы публикаций как бы давали понять, что европейцев волнует не только религиозная цензура в мусульманском мире, но и вполне реальная угроза радикализма, которую представляет для Запада ислам<sup>7</sup>.

Восприятие ислама как фактора, угрожающего политической стабильности и безопасности континента, проявилось и в запрете на строительство новых минаретов, введенном в Швейцарии референдумом в ноябре 2009 г. В обоснование такого шага немало говорилось о необходимости нейтрализовать опасность исламского экстремизма.

Приведенные примеры позволяют выделить три основные проблемные точки, которые в различном сочетании составляют стержень всех конфликтов, разворачивающихся вокруг ислама и мусульманских меньшинств на Западе. Во-первых, противоречия вызываются различиями в понимании прав и свобод человека, несовпадающими подходами к праву вообще и его соотношению с религиозными и нравственными ориентирами. Во-вторых, европейское мнение беспокоит культурная экспансия ислама, а также неготовность мусульман принять эти ценности и интегрироваться в сложившийся на континенте образ жизни. Наконец, в-третьих, Европа опасается за свою политическую стабильность и безопасность в результате распространения исламского экстремизма.

При всей важности отмеченных сторон конфликта столкновение правовых представлений все же является центральным. Ведь для Европы именно право представляет собой цель и одновременно средство урегулирования и предупреждения всех отмеченных противоречий. Вместе с тем для правильной оценки обсуждаемого противостояния культур и ценностей важно различать причины и мотивы каждого конкретного конфликта, цели предпринимаемых мер для его преодоления, а также возможные последствия таких шагов.

Возьмем, к примеру, уже упоминавшийся запрет на возведение минаретов в Швейцарии. По наиболее распространенной версии, его причиной

---

<sup>7</sup> См.: *Шайо А.* Датские карикатуры и веселье: изучение компенсационных пошлин в мировой торговле идеями // Сравнительное конституционное обозрение. № 3 (56). 2006.

явилось недовольство граждан возможным изменением культурного облика страны, а также потенциальная угроза распространения исламского экстремизма. Следует признать реальность перспективы агрессивного вмешательства ислама и мусульманских меньшинств в культурное пространство Европы и сложившуюся здесь систему традиций и ценностей. Правда, при этом следует отличать реальную опасность от мнимой, серьезную угрозу от второстепенной. И уж конечно, надо подбирать такие пути и методы противодействия экспансии чуждых и даже враждебных ценностей, которые помогают достичь эту цель, а не усугубляют конфликт.

В этой связи большой материал для размышлений дают споры вокруг хиджаба, никаба и бурки в Европе. Для точного понимания сути проблемы отметим, что под хиджабом подразумевается такая традиционная одежда женщины-мусульманки, которая скрывает всю ее фигуру, кроме кистей рук и овала лица. Никабом является женский головной убор, полностью закрывающий лицо, а бурка (от араб. «бурку», вуаль) — практически тот же никаб, но с прорезью для глаз.

Конфликт по, казалось бы, второстепенному вопросу об одежде мусульманки вывел на свет суть противоречий между европейским и мусульманским взглядами на соотношение права, религии, нравственности и обычаев, принципиальные различия между двумя правовыми культурами.

Знаковым рубежом в этом противостоянии стало принятие во Франции в феврале 2004 г. закона, который запрещает использование религиозной атрибутики, включая ношение выделяющихся символов религиозной принадлежности, в государственных учебных заведениях. Показательно, что, хотя данный акт касается любых религий, на практике он затронул главным образом мусульманок. Неслучайно его назвали «антихиджабным».

Основным мотивом, которым руководствовался французский законодатель, вводя такой запрет, называлась необходимость соблюдения светского характера государства, закрепленного конституцией. Одновременно приводились и другие аргументы. Например, подчеркивалось, что школьницы-мусульманки вполне вероятно носят хиджаб не по собственной воле, а под давлением старших. Отмечалось также, что эта мера направлена на то, чтобы не переносить в учебные помещения политические конфликты и защитить права мусульманок, которые порой подвергаются унижениям со стороны других учащихся из-за ношения хиджаба. Поэтому, считают некоторые европейские парламентарии, такой закон помогает сформировать отношение к мусульманам как к равным.

Разумеется, мусульмане восприняли закон с прямо противоположных позиций, опасаясь, что он откроет двери для их дискриминации по всем направлениям. Вполне предсказуемо данный шаг встретил резко негативную реакцию не только в среде европейских мусульман, но и в мусульманском мире в целом. Однако эти возражения не были услышаны. Наоборот,

«антихиджабный» закон приобрел авторитетного союзника в лице Европейского суда по правам человека, который в декабре 2008 г. по иску двух школьниц-мусульманок постановил, что данный акт не нарушает Европейскую хартию о защите прав человека и основных свобод<sup>8</sup>.

Вскоре после принятия французского закона на путь исключения хиджаба из учебных заведений встала Бельгия, где еще в 2004 г. было введено правило, в соответствии с которым администрация каждой школы самостоятельно решала, запрещать или нет ношение хиджаба. Ситуация вступила в принципиально новую фазу, когда в конце апреля 2010 г. впервые в Европе нижняя палата бельгийского парламента практически единогласно проголосовала за принятие закона, запрещающего ношение в общественных местах одежды, полностью или частично скрывающей лицо и мешающей установить личность ее обладателя. После одобрения сенатом закон вступил в силу. Хотя в нем не говорится, о какой конкретно одежде идет речь, по единодушному признанию подразумеваются традиционные мусульманские никабы и бурки. Запрет распространяется на улицы, парки, спортивные сооружения, государственные и иные учреждения, предназначенные для общественного использования или предоставления публичных услуг. Нарушение указанного правила влечет наложение штрафа от 15 до 25 евро или арест на срок до 7 суток.

При обсуждении этого закона в пользу его принятия приводились различные аргументы. Главный из них сводился к необходимости обеспечения не только равенства, но главным образом светского характера бельгийского государства. Обращалось внимание на то, что появление мусульманок в традиционной одежде возрождает чувствительную проблему отделения церкви от государства, а также обостряет противостояние между защитниками и противниками светской власти. Поскольку данная проблема уже решена на правовом уровне, то любые проявления сомнений по этому поводу бросают вызов нынешним устоям бельгийского государства.

Правовую логику можно усмотреть и в позиции тех бельгийских депутатов, которые требовали освободить мусульманку от ограничений ее свободы выбора. Они характеризовали никаб и бурку как «тюрьму для женщины» и поэтому считали запрет ношения такой одежды победой над архаичной традицией, которая подавляет свободу воли.

Одновременно выдвигались и политические причины принятия такого законодательного шага. Его сторонники настаивали на том, что никаб и бурка воспринимаются обществом в качестве не религиозного, а прежде всего политического символа, поскольку сокрытие лица не позволяет установить личность мусульманки, которая их носит. А это, в свою очередь, представляет прямую угрозу безопасности. Такое обоснование дополня-

---

<sup>8</sup> См.: The European Court of Human Rights. The cases of Dogru v. France (application no. 27058/05) and Kervanci v. France (application no. 31645/04).



лось социально-психологическими мотивами принятия данного закона. В частности, подчеркивалось, что присутствие мусульманок в никабе или бурке в общественных местах вызывает у окружающих чувство дискомфорта и говорит о нежелании их обладательниц и мусульман в целом интегрироваться в европейский социум.

### **Конфликт с позиций европейской правовой культуры**

Попытаемся в обобщенном виде изложить ключевые правовые аргументы в пользу принятия в ряде европейских стран отмеченного выше законодательства. Оно касается разных прав и свобод человека и соответственно ориентируется на несовпадающие юридические критерии. Прежде всего, внутренние убеждения верующего следует отличать от внешних проявлений принадлежности к определенной религии. К ним относится использование религиозной символики, а также ношение предметов одежды, которые в очевидной форме подтверждают исповедание лицом той или иной религиозной веры.

Внутренние религиозные убеждения никоим образом не могут быть ограничены, поскольку отражают лишь мировоззрение человека. Что же касается внешнего выражения данных убеждений, то оно может подвергаться ограничениям, связанным с защитой интересов других лиц. Они установлены международными договорами, внутренним законодательством той или иной страны, а также судебными решениями, среди которых выделяются решения Европейского суда по правам человека<sup>9</sup>.

По-иному выглядит другой аспект обсуждаемой проблемы — свобода выражения мнения по вопросам религии. Если внешние признаки принадлежности к религии (например, относительно ношения хиджаба, никаба или бурки) относятся к правам самих мусульман, то свобода слова прежде всего касается права других открыто высказываться об исламе, в том числе негативно, резко критически, в оскорбительных тонах и даже в форме преувеличения и осмеяния. Такая свобода мнения также может быть ограничена, но только по строго определенным основаниям.

Каковы же эти правовые основания? Почему ношение хиджаба, никаба или бурки считается в ряде стран Европы нарушением формального равенства и индивидуальной свободы других лиц? Где границы указанной свободы и как они соотносятся со свободой верующего носить одежду по своему выбору? В каких случаях свобода демонстрировать свою принадлежность к определенной вере вступает в противоречие с принципами права?

Центральным аргументом введения указанных ограничений является обеспечение светского характера государства. Не случайно французское

---

<sup>9</sup> См.: *Гарлицкий Л.* Государственное регулирование религии: противоречивые тенденции // Сравнительное конституционное обозрение. № 3 (56). 2006.

законодательство о запрете открытой демонстрации знаков и предметов одежды, которые явным образом отражают религиозную принадлежность, распространяется лишь на государственную систему образования. Тем самым гарантируется принцип равенства не вообще, а именно по вопросу отношения к религии, отделенной от государства. Смысл введения ограничения заключается в том, чтобы все учащиеся и педагоги воспринимались без учета их религиозных предпочтений, которые исчерпываются областью внутренних убеждений.

Иное обоснование данных ограничений касается защиты гендерного равенства учеников и учениц. С этой точки зрения ношение традиционной мусульманской одежды (хиджаба или никаба) девочками-мусульманками нарушает указанный принцип. Хотя ислам предусматривает правила одежды и для мальчиков, сложности могут возникнуть, пожалуй, лишь на уроках физкультуры, поскольку мусульманин в принципе обязан скрывать свою наготу в границах между коленями и пупком включительно. В прочих ситуациях следование данной норме, в отличие от ношения хиджаба или никаба, вовне явно не проявляется и поэтому не воспринимается как демонстрация религиозной принадлежности, а значит — как нарушение светских начал образования.

Еще одним аргументом выступает необходимость избегать принуждения к принятию определенной религии (в нашем случае — ислама). Так, считается, что дети легко поддаются внешнему влиянию и поэтому ношение, например, хиджаба может означать определенное побуждение и даже принуждение к принятию ислама. Такое, хотя и косвенное, давление должно быть исключено в светской системе образования. Особенно если указанную одежду носит женщина-педагог, которой ученицы склонны подражать. Одновременно использование предметов одежды, подчеркивающих связь с исламом, опосредованно напоминает мусульманкам, которые их не носят, о необходимости соблюдать свои религиозные обязанности, что также может рассматриваться в качестве принуждения, неприемлемого в светских учреждениях.

Кроме того, учитель в данных учреждениях является представителем светского государства и поэтому добровольно берет на себя обязанность терпеть некоторые ограничения, касающиеся его свободы на внешнее выражение своего отношения к религии. Ношение учительницей традиционной мусульманской одежды означало бы неравное отношение к ученикам, среди которых есть дети, придерживающиеся различных вероисповеданий или вообще не принадлежащие ни к одной религии.

К рассматриваемым аргументам относится и стремление поддерживать сбалансированные и непредвзятые отношения между учащимися, имеющими различные взгляды на религию, а значит — обеспечивать общественный порядок, защищать личные права каждого на свои убеждения и

исключать дискриминацию по признаку отношения к религии. По этой логике запрет демонстрации кем-либо внешних признаков своей принадлежности к религии гарантирует, что иные лица, испытывающие позитивные или негативные чувства к определенной вере или атеизму, не будут относиться к нему с предубеждением — с позиции дискриминации или симпатии. Этим и объясняется запрет ношения хиджаба или никаба, поскольку оно в явной форме демонстрирует исламские убеждения, в то время как нейтральная одежда ничего не говорит о приверженности религии или атеизму.

К названным доводам правового характера имеет прямое отношение широко распространенное в Европе мнение о том, что к ношению традиционной одежды девочек-мусульманок принуждают их родные и близкие. Поэтому законодательный запрет хиджаба, никаба и бурки призван защищать права и свободы мусульманок, положить конец их унижению и оградить их от насилия. Правда, в этой связи возникает вопрос о том, нужно ли защищать права тех мусульманок, которые носят такую одежду добровольно. Но в ответ выдвигаются все приведенные выше аргументы, апеллирующие к светскому характеру государства и принципам равенства.

При этом следует иметь в виду определенные различия, отличающие обоснование запрета ношения хиджаба по сравнению с никабом и буркой. Применительно к хиджабу на первый план выступают доводы, связанные со светским характером государства и государственной системы образования. А в отношении никаба и бурки решающим становится обоснование, делающее акцент на социально-психологических и политических аспектах проблемы, особенностях традиционной для Европы социально-нормативной культуры.

Данный нюанс отчетливо виден на примере Бельгии, где не разрешается ношение в общественных местах скрывающей лицо одежды, что касается никаба и бурки. Если бы ведущим поводом для принятия соответствующего закона была забота о сохранении устоев светского общества и государства, то, очевидно, запрет коснулся бы и хиджаба, который, как подтверждает опыт Франции, рассматривается в качестве главного исламского символа в одежде. Поэтому можно прийти к выводу, что для бельгийского законодателя приоритет заключается главным образом в обеспечении возможности беспрепятственного установления личности на равных для всех основаниях в интересах охраны общественной безопасности.

Кроме того, немалое значение при принятии указанного акта имела ссылка на традиции бельгийского общества, которое воспринимает мусульманскую одежду, практически полностью скрывающую женщину, как символ ее подчиненного положения и ограничения ее свободы, а значит — неравноправия с мужчиной. Кстати, именно этот аргумент наряду с реализацией принципа свободного и открытого социального взаимодействия выдвигал-

ся едва ли не как основной при принятии во Франции в июле 2010 г. и вступившего в силу в сентябре того же года закона о запрете ношения никаба и бурки в общественных местах. Иначе говоря, обращенные к собственно религии и светскому обществу доводы оказались в тени.

Все это подтверждает, что принятие указанных выше актов относительно одежды опиралось не только на чисто правовые критерии, но и на устоявшиеся в обществе традиции, культурные ценности и представления о публичной нравственности. Вместе с тем ссылки на общественную безопасность, которые достаточно отчетливо отражают крайнюю обеспокоенность европейского общества угрозой исламского радикализма, преимущественно относятся не к чисто правовому, а к политическому обоснованию принятия законодательства, подразумевающего запрет ношения никаба и бурки. Во всяком случае, такие правовые решения призваны решать прежде всего политические задачи.

### **Проблема в зеркале исламского правосознания**

Противники указанного законодательства — прежде всего сами мусульмане и их лидеры — также аргументируют свою позицию правовыми, политическими и психологическими доводами. В частности, они рассматривают запрет на ношение традиционной одежды, скрывающей лицо мусульманки, как очевидное ограничение свободы вероисповедания, а значит — дискриминацию. Вместе с тем мусульмане оценивают данную меру как угрозу их пребыванию в Европе вообще и свидетельство роста антиисламских настроений на континенте. Давая указанному акту общую негативную политическую оценку, мусульманские ученые подчеркивают, что его реализация приведет не к интеграции мусульман в европейское общество, а, наоборот, к их изоляции, обособлению и еще большему отторжению от местной культуры. А это лишь усилит позиции мусульманских радикалов.

В этой связи полезно обратиться к мнению авторитетных мусульманских правоведов и центров исламской юриспруденции. Основной интерес вызывает используемая при этом аргументация, которая достаточно отчетливо отражает специфику исламского сознания.

Например, Европейский совет фетв и исследований на своей 12-й сессии в 2004 г. принял специальное заявление по проблеме хиджаба во Франции<sup>10</sup>. В этом документе выражено понимание обеспокоенности европейцев распространением непривычных для них традиций, что порождает естественное стремление защитить свою идентичность и единство. Однако отмечается, что единство и солидарность в условиях культурного разнообразия могут быть достигнуты лишь при уважении прав и свобод человека, на которые посягает запрет хиджаба в государственных учебных заведениях. По

<sup>10</sup> См.: [www.e-cfr.org/ar/index.php](http://www.e-cfr.org/ar/index.php)

мнению Совета, суверенитет государства и его исключительные законодательные полномочия, а также ссылки на светские либеральные ценности не могут оправдывать нарушения личных и религиозных свобод.

Показательно, что в данном заявлении ничего не говорится о равенстве граждан, зато делается акцент на личных и религиозных свободах. Их трактовка со всей очевидностью подтверждает, что мусульманские и европейские традиции исходят из различного понимания культурного и религиозного многообразия, соотношения права с религией, свободы вероисповедания с другими правами и свободами человека. Прежде всего, имеются принципиальные расхождения в подходе к самой свободе совести и вероисповедания.

Для Европы данная свобода означает в первую очередь личное предпочтение гражданина в выборе своих убеждений, что является его частным делом. А исламская концепция не сводит ее к индивидуальному праву на выбор веры. Для мусульманского сознания свобода вероисповедания, помимо этого, включает целый ряд иных институтов и символов.

Такое понимание прослеживается также в обращениях Совета по поводу проведенного в Швейцарии референдума относительно сооружения новых минаретов и в связи с демонстрацией в Голландии фильма «Фитна», который был воспринят как унижающий ислам. Например, осуждение запрета на новые минареты Совет объяснил тем, что основное назначение таких сооружений — указывать на местонахождение мечети, где мусульмане исполняют свои культовые обязанности, а без этого они не могут пользоваться своими религиозными свободами<sup>11</sup>.

Еще ярче такая логика проявляется в том, что эти свободы в исламской трактовке включают защиту религиозных святынь. В частности, в заявлении по поводу демонстрации фильма «Фитна» Совет специально подчеркнул, что любое право человека подлежит защите, пока оно не нарушает права других, а также не посягает на их святыни<sup>12</sup>.

В этой связи отметим, что законодательство многих мусульманских стран предусматривает ответственность за богохульство, оскорбление религиозных святынь, посягательство на честь и достоинство пророков и божественных посланников. Достаточно привести пример уголовного кодекса Пакистана, который включает строгие санкции за богохульство. Показателен также опыт Кувейта, где закон о средствах массовой информации запрещает публикацию материалов, оскорбляющих пророка Мухаммада и членов его семьи<sup>13</sup>.

<sup>11</sup> См. там же.

<sup>12</sup> См. там же.

<sup>13</sup> См. об этом: *Сюкияйнен Л.Р.* Исламский взгляд на свободу и равенство: юридическое закрепление и религиозно-этические границы // *Всеобщая декларация прав человека: Универсализм и многообразие опытов.* М., 2009.

С учетом данного подхода становится понятно, почему французское законодательство о хиджабе или запрет на строительство минаретов в Швейцарии оцениваются мусульманским сознанием как посягательство на религиозную свободу. Так, в заявлении Европейского совета фетв и исследований в связи с хиджабом говорится, что он является не просто религиозным или политическим символом, а элементом поклонения Аллаху и шариатской обязанностью мусульманки, важнейшей стороной ее поведения и подчинения предписаниям своей религии. Ношение такой одежды обязательно, независимо от характера того публичного места, где находится мусульманка. По своей природе, подчеркивается в документе, предписания ислама неотделимы друг от друга, о какой бы стороне жизни мусульманина, следующего своей религии, ни шла речь. Именно поэтому принуждение мусульманки отказаться от хиджаба означает притеснение ее, посягательство на честь женщины и ее права. Снятие хиджаба, настаивает Совет, не может быть платой за получение образования или работы в государственном учреждении<sup>14</sup>.

Все приведенные выше аргументы в пользу и против законодательства, запрещающего ношение хиджаба, никабов и бурок, четко отражают принципиальные различия между европейской и мусульманской социально-нормативными культурами, прежде всего в вопросе соотношения права, религии и традиций. Если бы не столкновение ценностных ориентаций, проблема традиционной одежды, которую используют всего несколько десятков мусульманок в Бельгии, или строительства новых минаретов вряд ли приобрела бы такую остроту.

Исламская концепция прав и свобод человека, по сути, не видит четких границ между мирским и сакральным, правом и религией. А если и признает между ними некоторые различия, то трактует их как признание религиозных пределов любых юридических норм, в том числе касающихся прав и свобод человека. В этом смысле ислам охватывает как религиозную, так и мирскую стороны существования человека. Рубеж между религиозным и светским началами не отгораживает ислам от мирских проблем, а пролегает внутри него самого. Поэтому там, где европеец не видит никакого конфликта, мусульманин нередко оказывается перед трудно разрешимым выбором.

Характерной в этом смысле является реакция одного из самых авторитетных мусульманских правоведов Юсуфа аль-Карадави (являющегося, кстати, председателем упомянутого Европейского совета фетв и исследований) на запрет хиджаба и никаба в Европе. По его мнению, такое законодательство ставит мусульманку перед дилеммой: подчиниться ли закону или своим религиозным убеждениям. Неудивительно поэтому, что ученый считает запрет хиджаба предательством идей французской революции,

<sup>14</sup> См.: [www.e-cfr.org/ar/index.php](http://www.e-cfr.org/ar/index.php)

провозгласившей свободу, равенство и братство<sup>15</sup>, в то время как в европейском понимании указанный шаг, наоборот, является воплощением данных принципов и не создает никаких конфликтов.

Иными словами, один и тот же факт воспринимается неодинаково с позиций европейской и мусульманской социально-нормативной культуры. Противостоящие стороны апеллируют к разным ценностям и критериям, которые для них являются приоритетными. Европейское сознание обращается к праву, а мусульманское — к религиозным постулатам, которые корректируют толкование юридических норм и принципов. Если все относящееся к исламу оценивается европейским сознанием как религиозный феномен, отделенный от светского государства, то мусульманский менталитет не воспринимает такого разрыва.

Это характерно, например, для оценки хиджаба и никаба. В современной исламской правовой мысли есть разные позиции по этой проблеме. Большинство авторитетных юристов считает хиджаб не религиозной обязанностью мусульманки, а принятой в исламе традицией, относящейся к мирским вопросам. Правда, есть и другая точка зрения, которая ставит ношение такой одежды в один ряд с культовыми предписаниями<sup>16</sup>.

Однако такие различия не имеют принципиального значения для европейского общества, которое все связанное с исламом воспринимает в качестве атрибута религии. Поэтому любой выход ислама за пределы собственно культа расценивается как нарушение светского характера государства. А в мусульманском сознании такой границы не существует. Хотя в исламе область религиозных обязанностей в точном смысле отличается от иных сторон поведения людей, но в целом он в той или иной степени включен в любые сферы личной и общественной жизни. Для него нет такого, как в Европе, деления всего происходящего в обществе на сугубо религиозные и последовательно мирские институты.

### **Правовых решений недостаточно**

Очень часто в конфликтных ситуациях, связанных с исламом и мусульманскими меньшинствами в Европе, право вступает в конфликт с политической целесообразностью. Понятно, например, что вопрос ношения отдельных предметов мусульманской одежды не является чисто правовым. Причины, лежащие в основе указанных выше законодательных ограничений, и последствия, к которым они могут привести, носят преимущественно политический, культурный и социально-психологический характер. Если говорить коротко, то указанные правовые меры стали реакцией законо-

<sup>15</sup> См.: [www.qaradawi.net/site/topics/articles.asp](http://www.qaradawi.net/site/topics/articles.asp)

<sup>16</sup> См.: Никаб — обычай, а не норма религиозного поклонения. Каир, 2008 (на араб. яз.).

дателя на ту напряженность, которая сопровождала быстрый рост мусульманских меньшинств в Европе, их слабую интеграцию в местное общество и в целом столкновение европейского и мусульманского менталитетов, традиций, культур, социально-нормативных ориентаций, а также угрозу исламского экстремизма. Речь, очевидно, идет о противоречиях прежде всего политического и культурно-психологического свойства.

Это же можно сказать о уже наступивших и прогнозируемых последствиях данных правовых мер. Так, анализ действия французского закона 2004 г. подтверждает, что он имел весьма ограниченный положительный эффект. Пожалуй, он лишь обострил противостояние отмеченных жизненных укладов, не привел к повышению уровня общественной безопасности и не положил конец ограничению прав мусульманок. Главное, такая законодательная мера не способствовала включению мусульман в общественные процессы страны, восприятию ими европейских традиций и правовой культуры. Допустимо предположить, что принятые в Бельгии и во Франции в 2010 г. законы о запрете ношения в общественных местах полностью скрывающей лицо одежды также не дадут ожидаемого результата. Скорее, они могут содействовать еще большей изоляции мусульманских меньшинств, настроить рядовых мусульман негативно по отношению к власти и обществу, а в итоге — дать козыри в руки мусульманских радикалов.

Право — не просто самостоятельная ценность, но и средство решения политических и социальных задач, к которым как раз и относятся обсуждаемые проблемы. К тому же чисто правовые меры приводят к определенным политическим и социальным результатам, которые могут в целом оказаться прямо противоположными тому, чего от них ждут

Складывается впечатление, что чисто правового решения у рассматриваемой проблемы нет. Конфликты, связанные с мусульманскими меньшинствами в Европе, не могут быть сняты только с помощью законодательства. Безусловно, выход из кризисной ситуации должен быть правовым. Но не только правовым. Без учета политических, культурно-нравственных и социально-психологических аспектов указанные конфликты вряд ли удастся преодолеть. Главное в том, что корректные и даже безупречные в правовом отношении шаги должны сопровождаться разнообразными мерами, цель которых — содействовать более органичному включению мусульман в европейский социум, восприятию ими основ культуры страны их пребывания, включая приоритетные стороны европейского правосознания. В противном случае можно отстоять свои рубежи на поле права, но понести потери на политическом поприще и к тому же невольно повысить уровень социально-психологической напряженности вместо его снижения.

Наверное, крайне трудно найти решение проблем, вызванных ростом мусульманских меньшинств в Европе, которое бы отвечало в равной степени всем отмеченным критериям — правовым, нравственным, культурным,



социально-психологическим, политическим. Но вполне возможно постараться в максимальной степени учесть их, увязать друг с другом и минимизировать потери. Понятно, что европейское сознание будет отдавать приоритет праву, а мусульманское — религии и нравственности. Разумеется, есть пределы сближения позиций сторон, отстаивающих разные ценности, но до этих границ еще достаточно далеко.

Возможности если не снять конфликт, то хотя бы сгладить его, не допустить прямого столкновения, направить противостояние в русло поиска взаимоприемлемого выхода на путях компромисса есть. Только используются они явно недостаточно. Главным образом потому, что между конфликтующими сторонами нет устойчивого, постоянного и развивающегося диалога. Взамен его происходит обмен упреками, участники которого предпочитают вновь и вновь «озвучивать» собственные позиции, не желая слышать никаких возражений и вникнуть в контрдоводы.

Но для преодоления конфликтной ситуации стороны могут и должны сделать шаги навстречу друг другу. Такое движение предполагает прежде всего внимательное отношение к аргументам своих оппонентов и их серьезный анализ, а также использование понятных и убедительных для них обоснований, объясняющих собственный взгляд на проблему. Это относится к обеим сторонам, хотя и не в одинаковой степени.

Наверное, более длинный путь должны пройти мусульмане. Ведь именно они, образно говоря, оказались в новом и чужом для себя доме. Главное в том, что в непростом диалоге с Западом мусульмане обязаны научиться отстаивать свои интересы и защищать свои права не игрой на эмоциях и чувствах единоверцев на улице, а с использованием правовых аргументов, облекать свои претензии в адекватную юридическую форму. В противном случае они не будут восприниматься не только массовым европейским сознанием, но, главное, теми властными структурами (включая законодательные и судебные), от которых зависит решение той или иной конфликтной проблемы. Между тем даже такой авторитетный исламский центр, как Европейский совет фетв и исследований, в уже упоминавшемся решении о запрете ношения хиджаба в государственной системе образования во Франции сделал акцент на изложении собственного видения проблемы, не задаваясь вопросом о том, насколько оно убедительно для французских государственных институтов и общественного мнения страны. Он не стал анализировать мотивы принятия соответствующего закона и не попытался оспорить их доводами чисто юридического порядка.

Пока европейские мусульмане и их лидеры плохо готовы к обсуждению спорных проблем в правовом поле. Они не поспевают за динамичным развитием событий, отстают в осмыслении новых реалий своей жизни на Западе и к тому же в полной мере не владеют не только европейской правовой культурой, но и разработками современной исламской правовой мыс-

ли, которые остаются уделом мусульманской интеллектуальной элиты. Во всяком случае, многие приоритетные начала исламского права и исламской юриспруденции — например, нацеленность на поиск компромиссов, усредненность, отстаивание интересов с учетом места, времени и обстоятельств<sup>17</sup> — не используются в полной мере для предупреждения конфликтов.

Европейские структуры, в свою очередь, в этих спорах проявляют себя в качестве опытных и даже изощренных юристов, но не всегда как дальновидные политики, искушенные дипломаты и тонкие психологи. Разумеется, бессмысленно оспаривать их право защищать правовые ценности и государственные интересы, заботиться о незыблемости устоев европейской культуры и уклада жизни. Но такая линия применительно к мусульманским меньшинствам должна включать не только принятие соответствующих законов, но также выработку и реализацию форм и способов их интеграции в европейский социум, культурное пространство, политическую и общественную жизнь. Естественно, при безусловном соблюдении существующих порядков, в том числе и действующего законодательства. Но даже при этих условиях политически целесообразнее не отталкивать мусульман, а влиять на их менталитет и поведение, интегрировать их в европейское пространство или по крайней мере нейтрализовать и предупреждать возможные эксцессы и нарушения стабильности.

Чисто правовые вопросы, безусловно, надо решать правовыми способами, а политические — политическими. Однако принять новое законодательство, касающееся мусульманских меньшинств, можно достаточно быстро, а изменение сознания и образа жизни занимает долгие годы. С учетом этого и надо подходить к решению проблем. Едва ли не первый шаг на этом пути — постараться хоть частично убедить мусульман в корректности этого самого законодательства, разъяснить им, что оно не ущемляет их права как верующих. Для этого простая ссылка на обычные для европейцев правовые аргументы, прежде всего относящиеся к правам человека, может оказаться недостаточной. Ведь как уже отмечалось, мусульманская социально-нормативная культура ориентируется на иные приоритеты. Поэтому важно использовать для обоснования своей позиции такие доводы, которые апеллируют к шариатским ценностям, выводам исламской юриспруденции, прежде всего современной, иными словами — к значимым для мусульманского менталитета аргументам.

Обе стороны конфликта просто обязаны идти навстречу друг другу. Важную роль в этом могла бы сыграть исламская правовая культура. Отметим два взаимосвязанных аспекта такой роли. Во-первых, мусульманские меньшинства в Европе объективно заинтересованы в решении современ-

---

<sup>17</sup> См.: Сюкияйнен Л.Р. Исламская политико-правовая мысль в поиске ответов на вызовы современности // Центральная Азия и Кавказ. 2006. № 6 (48).

ным исламским правоведением тех вопросов, с которыми они сталкиваются в новой для них среде. Причем речь идет о решениях, которые нацелены на преодоление или предупреждение конфликтов и в то же время отвечают критериям шариата. А во-вторых, для европейских структур в своей полемике с мусульманами для обоснования своей позиции не просто полезно, но и необходимо обращаться к исламским аргументам.

Следует также учитывать, что исламское право в его современном умеренном понимании может быть не только противником и оппонентом универсальных правовых стандартов и принципов (в том числе относительно прав человека), но и их союзником в преодолении архаичных традиций и обычаев (например, так называемого убийства чести или кровной мести). Вопреки распространенному мнению, европейская и исламская правовые культуры не только сталкиваются и соперничают, но и позитивно взаимодействуют, в состоянии дополнять друг друга<sup>18</sup>. Об этом красноречиво свидетельствует практика правового регулирования институтов исламской экономики в ряде западных стран<sup>19</sup>.

Возможность сочетания европейских и исламских правовых институтов учитывал и Архиепископ Кентерберийский Роуэн Уильямс, когда в начале 2008 г. высказался в пользу включения отдельных норм шариата в правовую систему Великобритании.

Показательно, что его предложение практически никто, кроме самих мусульман, не поддержал, несмотря на принятый в стране в 1996 г. закон об арбитраже. Между тем данный акт вполне допускает создание органов, разрешающих споры в арбитражном порядке при условии соблюдения действующего законодательства (в частности, они не могут рассматривать уголовные дела). Однако британское общественное мнение игнорировало этот факт, как и то, что в стране на основе названного закона уже в течение нескольких лет фактически функционируют шариатские органы правосудия, улаживающие незначительные семейные конфликты и имущественные споры. Тут проявилось типичное отношение европейского сознания к шариату, которое сводится к его априорному категорическому неприятию в целом. Без разбора того, что в нем действительно неприемлемо, а что укладывается в рамки европейских правовых систем.

Таким образом, можно констатировать, что отношения между европейской и исламской правовыми культурами складываются противоречиво и нередко приобретают характер острого конфликта. Поэтому затронутые в настоящей статье проблемы еще долго будут оставаться в повестке дня. Простого и однозначного ответа на вопрос о том, как их разрешить, по-

<sup>18</sup> См. об этом: *Сюкияйнен Л.Р.* Взаимодействие исламской и европейской правовых культур: современный опыт // Ежегодник либертарно-юридической теории. Вып. 2. 2009.

<sup>19</sup> См.: *Сюкияйнен Л.Р.* Правовые основы исламской экономики: взаимодействие исламской и европейской правовых культур // *Pax Islamica*. № 1 (4). 2010.

---

видимому, нет. Вместе с тем соперничающие стороны имеют реальную возможность снизить уровень противостояния, избежать прямого столкновения и встать на путь предупреждения возможных обострений, связанных с мусульманскими меньшинствами на Западе. Важно, чтобы эти возможности были использованы.